

● «Когда буду помирать, если буду в сознании, последний момент успею подумать о матери, о детях и о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет». Эти слова написал Василий Макарович Шукшин за год до смерти.

В добрых, дружеских отношениях Ольга Михайловна была с писательницей А. Д. Коптяевой — женой писателя Федора Панферова. В своем письме Антонина Коптяева писала мне: «Конечно, Ольга Михайловна не расскажет Вам, с какой нежностью она относилась к Василию Шукшину, с такой нежностью можно говорить только о любимом сыне — и никакого, ни малейшего подчеркивания своего участия в его нелегкой тогда жизни. Она вообще человек исключительной скромности и даже наивности, чистой души, доброй, отзывчивой, честной, таких трудно найти в наш сугубо практический век, полный эгоизма и равнодушия. Она ждала только об одном, что мало сделала для своего подопечного молодого писателя. Он ведь нуждался, а она никогда не была по-настоящему обеспечена, потому что никому не жаловалась, никого ни о чем не просила, да иногда еще попадала в зависимость к разной сволочи».

Мне рассказывали, что Василий Шукшин за материнскую любовь платил Ольге Михайловне той же монетой — сыновней любовью и уважением. Он младшую дочь назвал Ольгой в честь О. М. Румянцевой.

И вновь вернусь к своей встрече с Ольгой Михайловной. Видно было, как она устала. И только я собрался рас-

«...подумать о матери». О Марии Сергеевне много сказано, много написано. Пережила она сына на пять лет.

Не так давно я беседовал с женщиной, которую Шукшин называл второй матерью. В книге «О Шукшине» среди авторов можно встретить имена Н. Сазоновой, М. Ульянова, В. Санаева, Е. Лебедева. Мое особое внимание привлекли воспоминания О. Румянцевой, написанные с материнской теплотой, любовью и нежностью.

Захотелось встретиться с автором. Но дело оказалось нелегким. О. Румянцева в преклонном возрасте, болеет, прикована к постели.

И все-таки я побывал у Ольги Михайловны. А до этого ее брат Александр Михайлович, бывший партизаном во время Великой Отечественной, последние годы работавший в секретариате СЭВ, охотно рассказал о своей семье:

— Наши родители жили в нынешней Ивановской области. Там мы с Олей и родились. Семья была большая, нас было четыре брата и три сестры. Оля окончила Бесугуевские курсы, позже — Институт красной профессуры. В партию вступила в марте 1917 года. Александр Михайлович задулся:

— Поидемте к Ольге Михайловне, пора ее поведать. Одно окно квартиры О. М. Румянцевой выходит на Москву-реку, вдали — Киевский вокзал. Во всю стену от пола до потолка книжный стеллаж, старинные томы. В углу небольшой сундучок, обитый полосками железа, окрашенными в разные цвета. Посередине комнаты стол, заваленный журналами, газетами, медикаментами. Кровать у окна, на которой лежит Ольга Михайловна. Левая рука держит самодельный пульт управления, шнур которого подводит к телевизору, он стоит здесь же, рядом с кроватью. Поверх одеяла свежая «Литературная газета». В стороне — раскрытый журнал «Новый мир». В ногах дремлет большой серый кот.

Говорю о цели своего визита.

— О многом мне хочется вам рассказать, — тихим голосом начала говорить Ольга Михайловна, — но, к сожалению, не смогу, плохо себя чувствую. Остановлюсь на главном. Я заведовала отделом прозы в журнале «Октябрь», вела молодых писателей. Хорошо помню, как в один из осенних дней 1960 года в отдел прозы журнала «Октябрь» вошел человек среднего роста, неказисто одетый — студент ВГИКа Василий Шукшин. Исподлобья, с каким-то мрачным недоверием посмотрел на меня, неохотно вытащил из кармана свернутую в трубку рукопись и протянул мне.

— Зря, наверно..., — произнес он.

Прочитала я его рассказы «Стенька Разин», «Правда», «Светлые души», «Степная любовь». Они очень сильно захватили меня, взволновали. Это был несомненный талант, но который надо было еще открыть.

Рассказы его в редакции многим понравились, но вызвали и споры. Три его рассказа были опубликованы в третьем номере нашего журнала за 1961 год. С этой поры Шукшина стали печатать и другие журналы — «Новый мир», «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни»...

Моя дочка Ира очень подружилась с Васей. Как сейчас помню, они сидели на пол в углу и вместе пели, хорошо пели — за душу брало. Он любил песни. Пел разные, больше сибирские: «Глухой неведомой тайгой» или «По диким степям Забайкалья...» Пел медленно, протяжно, словно раздумывал над чем. И так горько, тоскливо становилось на душе...

— Ольга Михайловна, это ваша дочь, которая все время со мной разговаривает по телефону и так упорно оберегает вас, не разрешая мне встретиться с вами? — спросил я.

Глаза у Румянцевой потухли. Наступило тягостное молчание.

— Нет больше моей Ирочки, нет моей дочки, никого у меня больше нет на этом свете, остался один брат. Ира умерла... Проводила она в последний путь Василия Макаровича, а через некоторое время и сама умерла.

По впадям бледным щекам Ольги Михайловны катились слезы...

— Хорошая была девочка. Ах, как она с Васей дружила... Окончила университет. Писала детские книги. А эта Ира, которая разговаривала с вами по телефону, живет у меня, студентка. Без ее помощи мне было бы очень трудно. Все хозяйство на ней, с постели я давно не поднимаюсь.

— А как поживают два ваших сына?

— У меня одна дочь, — спокойно ответила Румянцева.

Я удивился:

— Ольга Михайловна, ведь я читал ваши воспоминания в «Литературной России» и в книге «О Шукшине». Там вы говорите о двух ваших сыновьях.

— Действительно, в моих воспоминаниях это есть, я отлично все помню. Но это дети моей сестры — Маргариты. Она рано умерла, и ее сыновей я взяла к себе на воспитание. Они стали моими детьми, моими сыновьями — Володя и Анатолий. Володя работает инженером, а Анатолий — художником. У меня и приемная дочь есть — Маргарита Ежова, работает сейчас в детском издательстве. А нашла я ее на улице. Время такое было, привела домой, накормила, обогрела и оставила у себя. У меня здесь целый колхоз был.

— Хорошо помню такой случай, — переводя дух, продолжает свой рассказ Ольга Михайловна, — однажды Вася

пришел к нам какой-то грустный, рассеянный, по-видимому, был чем-то огорчен. Разговор не клеился, и чтобы немножко развлечь его, мы предложили послушать пластинку «Голоса русских писателей». Вася охотно согласился, но слушал безучастно, до тех пор, пока не раздался голос Есенина, читавшего монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев». При первых же звуках голоса Есенина Шукшин вдруг встрепенулся, как-то весь напрягся, подошел к проигрывателю. Голос поэта звучал хрипло, надрывно:

Проведите, проведите меня к нему, Я хочу видеть этого человека!

Когда Есенин кончил читать, Шукшин сел и заплакал... На другой день он при-

шел снова и попросил: «Пожалуйста, поставьте пластинку...» В этот вечер он несколько раз подряд с неослабевающим вниманием слушал монолог Хлопуши. Сидел молча, опустил голову, и думал о своем. Никто из нас не сомневался в том, что, слушая отрывок из поэмы «Пугачев», Вася думал о Степане Разине, судьба которого так захватила его, что работа над этой темой становилась главным делом его жизни...

— Когда Василия Макаровича после окончания ВГИКа направили на Свердловскую киностудию, он решил остаться в Москве, — продолжала Ольга Михайловна. — Ни прописки, ни жилья у него не было. Ночевал где придется: то у знакомых, то в общежитии, то, случалось, и на Казанском вокзале. Всякое было...

А мне в эту минуту вспомнились юбилейные Шукшинские чтения в 1979 году на горе Пинет в Сроствах. Вот тогда на этих чтениях писатель Виктор Астафьев сказал: «Холодная Москва не приняла Шукшина...»

— ...Вот я и решила его у себя приютить. Он у меня прописался и стал жить, — словно подытожила мою мысль Румянцева.

— А вот тот сундучок, что в углу, случайно не Шукшин оставил? — поинтересовался я.

— Нет. У него ничего не было. Был один талант при нем. Он у нас жил как родной. Сюда к нам и его мама, Мария Сергеевна, приезжала. Переписывались мы с ней. Как-нибудь покажу ее письма. Вася-то меня второй матерью называл, и я этим очень горжусь.

Позже у меня состоялась встреча с приемным сыном Румянцевой художником А. И. Кочановым, который рассказал мне о том, как Ольга Михайловна, чтобы прокормить большую семью, вечерами и ночами копала над рукописями молодых писателей.

От Анатолия Ивановича узнал, что муж Ольги Михайловны — Георгий Фельдман, работник советского посольства в Берлине, в 1937 году был репрессирован и только в 1956 году по смертно реабилитирован. Румянцева сама чудом уцелела. Не потому ли она с таким участием отнеслась к Шукшину? Она знала, что ее подопечный в четыре года лишился родного отца и ходил в шинуре сына «врага народа». Ольга Михайловна суждено было обогреть своей материнской любовью еще одного сына «врага народа» — сына Николая Ивановича Бухарина (Юрий Ларин был женат на дочери Румянцевой — Ирине).

проститься, как Александр Михайлович попросил сестру:

— Оля, расскажи молодому человеку о том, как ты работала с Лениным...

Я издрогнул — не слышался ли?

Шукшин как-то писал, что ему везло на умных и добрых людей. И это так. Значит, Василий Макарович был обогрет и облакан, да, можно смело сказать, путевку в литературную жизнь получил от человека, который работал с Владимиром Ильичем! А в печати об этом я ничего не встречал.

Ольга Михайловна преобразилась. Порозовели щеки. Голос окреп.

— Да, эти дни запомнила на всю жизнь. Я Владимира Ильича знаю не как вождя, а как человека. С ним я встретила в 1917 году. Затем работала у него в секретариате. У меня даже фотография сохранилась, где я снята с Лениным. Однажды поздно уже было, и Владимир Ильич проводил меня до дома, подвез на автомобиле.

Помню, произошел как-то казус. В два часа ночи звонит телефон. беру трубку и кричу: «Черт вас дер! Так поздно звонить!» А был голос... Ленина. Ну, думаю, теперь будет мне головомойка. Непременно уволят из секретариата. Боялась Ильичу на глаза попадаться. Однажды открываю дверь, а из соседней комнаты выходит Ленин. И манит меня пальцем, а сам лукаво улыбается: «Ну что, голубушка, испугалась?»

А я и на самом деле испугалась. Но страх мой был напрасным...

Вот читаю «Брестский мир» Шатрова, а действующие лица мне почти все знакомы: Бухарин, Зиновьев, Крупская, Арманд, Коллонтай, Троцкий. И, конечно, Ленин. Я их всех знала...

Ольга Михайловна притихла. Видно, вспомнились ей далекие-далекие, но такие дорогие годы юности.

— Я вот направляюсь, тогда и приезжайте, о многом поговорим, о многом.

На прощание я поцеловал маленькую хрупкую руку, которая знала пожатие Ильича. Руку, которую крепко пожил Шукшин...

Но новая встреча уже не состоялась. Недавно Ольга Михайловна не стало...

Александр ЛЕБЕДЕВ.
г. Воскресенск.